

ОБЫЧАИ И ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Мещеряков Геннадий Анатольевич

Главный инженер.

ООО «Ленинградское строительное управление»
[г. Павловск, Санкт-Петербург].

E-mail: mga-2014@yandex.ru

Meshcheryakov G.A.

Chief engineer.

LLC Leningrad construction Department
[Pavlovsk, Saint Petersburg].

Аннотация: Из столетия в столетие присоединяя новые земли, Россия порой не могла воспользоваться плодами своих побед. Автор раскрывает одну из многих причин поражений нашей армии и территориальных потерь страны, обусловленных хвастовством и спесью генералитета – свято чтимой традицией военной элиты, передающейся через века.

Ключевые слова: провиант, подъёмные лошади, генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, Донская экспедиция, генерал армии К.А. Мерецков, генерал армии Д.Г. Павлов, генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

CUSTOMS AND PRINCIPLES OF THE MANAGEMENT OF THE RUSSIAN ARMY FOR ALL TIMES

Abstract: From century to century, when Russia annexed new lands, it sometimes could not take advantage of the fruits of its victories. The author reveals one of the many reasons for the defeats of our army and the territorial losses of the country, due to the hubris and arrogance of the generals – a sacred tradition of the military elite, transmitted through the centuries.

Key words: provision, lifting horses, Field-Marshal B. H. Minikh, Don Expedition, Army General K. A. Meretskov, Army General Pavlov, Lieutenant-General M. F. Lukin.

В конце февраля 1738 г. фельдмаршал Б.Х. Миних получает рескрипт императрицы Анны Иоанновны с выражением явного недовольствия. Государыню уведомили о бесчинствах в вопросах тылового снабжения в армиях Миниха. И суть претензий вот в чём: «...будто во время прошедших кампаний (1736–1737 г. – авт.) при армии возили провиант, по большей части мукой; из неё, за неимением мест и дров, солдаты принуждены были печь хлеб в землянках травой, и питались некоторое время почти сырым тестом, а не печеным тестом, отчего было не без потери в людях; будто при войске возили с собой принятые натурой мундирные и амуничные вещи, в которых во время похода нужды быть не может, отчего происходило затруднение лишними обозами и расход подъёмным лошадям (обозные военно-упряжные лошади)» [4, с. 1374]. Фельдмаршалу императрица

приказала: «...изготовить на всё войско сухарной толчи и толокна, и при выступлении раздать на человека по фунту того и другого, а когда изойдет, то опять раздать, чтоб при них без переводу было по фунту; в местах, неудобных для печения хлеба, раздавать сухарями, а в удобных— печь хлебы, готовить сухари и толчу, и с собою излишних тягостей не возить» [4, с. 1374].

Оскорблённый Миних отвечал государыне, что ей представлены безосновательные донесения, и дело обстояло так: «Я, как поверенный главный командир, по моей присяжной должности и ревности к службе, особенно заботился о том, чтоб войско и, преимущественно больные не имели никакой нужды в пропитании, чего в прошлогодние походы и достигнуто. Уже третий год, как я ношу на себе трудную должность комиссариата. Когда в 1736 году, отправляясь для осады Азова, я приехал в крепость Св. Анны, то в тамошних магазинах не нашел ни одного куля муки, хотя там должно было быть 50 тысяч мешков; солдаты помирали с голоду и мне не с чем было двинуться под Азов. Делать нечего, принял я комиссариатскую должность на себя и разослал офицеров вверх по Дону и Донцу; припасы были собраны, и я получил возможность двинуться к Азову и положить начало осаде. Приехал из-под Азова в Изюм: генерал-провиантмейстера Полибина нет, помощник его сидел под арестом за нерадение; я опять начал хлопотать о сборе провианта, и князем Никитою Трубецким и с армейскими офицерами столько его отправлено, что никакого недостатка не было,— и Азовская экспедиция благополучно окончилась»[4, с. 1374]. Парадокс в том, что именно Б.Х. Миниха императрица назначила главным командиром по подготовке и проведению экспедиции на Дону ещё 23 августа 1735 г., ну что тут можно ещё комментировать?

Рьяно оправдываясь и отводя от себя грозу, фельдмаршал не вспоминал (упаси господи), что в кампании 1737 г. муку и страдание принимали не только солдаты его Днепровской армии. В начале августа, перед проведением мирных переговоров с турками и австрийцами, в Немиров приезжает курьер, присланный самим же Минихом. И вот о чём тот поведал: «наша армия потеряла под Очаковым не многим более двух тысяч убитыми, и ещё около трёх тысяч было ранено; а лошадей и волов потеряно около 40 тысяч»[4, с. 1369] (!) Спрашивается почему? Да потому что предусмотрительные татары подожгли степь, а их превосходительства из штаба фельдмаршала Б.Х. Миниха не удосужились организовать перевоз фуражного зерна в обозах Днепровской армии. Невиданное моровое поветрие, охватившее всё Северное Причерноморье и южные провинции России в начале 1738 г. скорее всего и было следствием массового падежа скота (разумеется, что скотомогильников для такого огромного количества умерших животных никто не копал; солдаты итак обессилили голодом). Пустая и бездумная надежда командующего и его штаба на подножный корм уничтожила плоды невероятных усилий и тяжких трудов солдата — в походе и простого русского обывателя — в тылу. И ладно это был бы первый трагический опыт с бескормицей внашей армии начала XVIII века.

В ноябре 1710 г. турецкий султан Ахмед III созвал Великий диван, и турки объявляют России войну, которую спровоцировали дипломаты Европы и шведский король Карл XII из

турецкой крепости Бендеры на Днестре. Царь Пётр I принимает вызов и 30 июня 1711 г. во главе 38-тыс. армии вступает в Молдавию. Стояла невыносимая жара, жажда мучила солдат, верховых лошадей и обозную скотину. Многие воины, не выдержав мучений, кончали с собой. Господарь Валахии (совр. Румыния, – авт.) Брынковяну изменил, соответственно не предоставив обещанной подмоги и продовольствия, а помощь молдавского господаря Кантемира оказалась несущественной. Имея недельный запас продовольствия, царя Петра (а с ним и многострадальный личный состав русской армии) на берегах Прута ждала неминуемая катастрофа. Уже 9 июля наша армия была полностью окружена, и через три дня подписан мирный трактат, по которому Россия возвращала Порте Азов, который через 25 лет будут отбивать фельдмаршалы Б.Х. Миних и П.П. Ласси, возглавляя войска Донской экспедиции. России пришлось срыть крепости Таганрог и Каменный Затон, не держать войск в Польше, «отнять руку» от донских казаков и запорожцев, и по возможности заключить мир со Швецией. Вот результат пренебрежительного отношения к снабжению фуражом и продовольственному обеспечению войск на марше. 31 октября 1712 г. Османская империя объявила России новую войну с требованием уступки Малороссии и всех завоеваний в Прибалтике, а также восстановить Станислава Лещинского на польском троне. Не поддавшись на откровенный шантаж, царь приказал фельдмаршалу Б.П. Шереметеву иметь семимесячный запас припасов для армии, стоящей под Киевом. Как результат: спокойствие и мир на юге удалось сохранить, и 13 июня 1713 г. заключен новый мирный договор. Все помыслы царя вновь были обращены на Балтику[6, с. 125]. Как говорится – делайте выводы.

Для Миниха был и более свежий урок. Имеется ввиду полный трагизма поход генерал-поручика М.И. Леонтьева на Крым в кампании 1735 г. В течение двух недель октября, огромный 49-ти тысячный экспедиционный корпус Михаила Ивановича потерял тысячи лошадей и ещё больше солдат от массовых заболеваний в полках. На этот раз устремления наших генералов были остановлены ледяной коркой, сковавшей обмерзшие травы степей в Нижнем течении Днепра, лишив тем самым драгунских и подьёмных лошадей подножного корма. Экспедицию пришлось закончить, не дойдя до Перекопа (ворота Крыма – турецкая крепость Ор-Капу), достигнув только Мертвых вод[1, с. 52]. В который уж раз, господа генералы не вспомнили о фуражном зерне.

Уже весной 1737 г. прискорбие Кабинета министров вызвал доклад Миниха, проезжавшего до того по Малороссии, который с удивлением отметил отсутствие вдоль тракта посевов озимого хлеба. Управителем тревожного края был князь И.Ф. Борятинской, которого Кабинет не единожды предупреждал: «дабы хлебная пашня, яко первое и наиглавнейшее основание всего прочаго, отнюдь остановлено и запущено не было»[7, с. 255]. Оно и логично, идёт война, которую никто не отменял, и с приходом каждой весны – требовались новые объёмы поставок хлеба для воюющих полков. Указы императрицы и Кабинета понуждали князя-управителя деятельно их исполнять, а мы видим совершенно неадекватную реакцию наместника на логичные и естественные ходы верховной власти государства. Учитывать приходится и такой немаловажный фактор, что князь Иван Фёдорович был генерал-лейтенантом, а не засеяв своевременно лету 1737 г. ещё и ярового хлеба – стал

полным генералом. Вот карьера!

Сохранились показания постороннего свидетеля, австрийского капитана Парадиса о состоянии обозного хозяйства российской армии Миниха в 1738 г., которые безусловно представляют интерес. Парадис указал на тот факт, что русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей; брат фаворита генерал Бирон рассказывал при Парадисе, что при нём 300 быков и лошадей, 7 ослов, 3 верблюда и что есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов. «Может быть, - писал Парадис, – что они хотели тем выставить богатство своего народа, но я думаю, что они тем показали слабость свою в войне, ибо такой неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижною. Я не видал, чтоб когда-нибудь армия прежде двух, трёх, а часто и четырёх часов по восхождении солнца выступала в поход: причиною тому громадность обоза и некоторое застарелое нерадение в русских офицерах: генерал-аншефу нельзя быть везде самому; он может заставить себя бояться, но такой рабский страх принуждает трудиться только в его присутствии; наконец, последний дивизион арьергарда вступает в лагерь очень поздно, часто на рассвете. При беспорядке обоза, возы так между собою перепутываются и сцепляются, что армия принуждена иногда по два и три часа на одном месте стоять, тогда как воздух наполнен криком множества извозчиков, которые в этом поставляют всё своё искусство. Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на какой другая армия употребляет четыре часа. Всякая телега хочет обогнать идущую впереди, отчего сцепляются и перепутываются; скот, находящийся в тесноте, без пищи, беспрестанно погоняемый, падает мёртвым, а который и придёт в лагерь, то такой слабый и измученный, что даже при траве и воде (что, однако, редко случается) не может в несколько дней поправиться. Извозчики так измучены и выбиты из сил, что не могут иметь надлежащего попечения о скоте: их желудок не переваривает и сухарей с водою; то же можно сказать и о всех солдатах, страдающих постоянным расстройством желудка; при моём отъезде было более 10000 больных, их клали по 4 и по 5 человек на одну небольшую телегу, на которой два человека едва улечься могут; разумеется, их клали друг на друга, телегою управлял человек, едва освободившийся от болезни, похожий более на мёртвого, чем на живого. Уход за больными невелик: недостаёт искусных хирургов; всякий ученик или рудомет, приезжающий сюда, тотчас определяется полковым лекарем» [4, с. 1381].

«Хотя русские имеют больше других народов нужду беречь фураж, однако я не приметил, чтоб они малейшее попечение прилагали о том во время походов. Напротив, мнут его телегами и лошадьми и выбивают, и когда из одного лагеря переходят в другой, то кругом лежащие места все вытолочены, и если татары армию окружают и немного стесняют, как они часто делали, то она принуждена кормить скот уже толченою и завялою травою, и скот в 24 часа сделает место чистым, как ток. Если на другой день там же дневать станут, то всякий по своей воле фуражирует где может, и выходят из лагеря без всякого порядка, равно как и приходят, одни вечером, а некоторые на другой день поутру. Правда, козаки беспрестанно разъезжают, как бы для их прикрытия, но так

как они похожи на волонтеров или, лучше сказать, на сволочь, то на них нельзя много надеяться...» [4, с. 1382]. В походе русской армии Б.Х. Миниха на Бендеры в 1738 г. целей кампании достигнуть не удалось. Напротив, нашим солдатам в Подолии пришлось закапывать орудия и спешно уходить от татарского преследования на Киев.

Прошло двести лет, войска уже много лет имели пулемёты, танки, дальнобойные орудия и самолёты, а флот подводные лодки и мощные корабли. Можно было бы сказать, что вот он качественный скачок, и многое изменилось. Но, судя по тому, как встретила наша армия супостата 22 июня 1941 г. – не изменилось ничего. Ведь, РККА «была кровь от крови, плоть от плоти царской императорской армии, к тому времени уже век не имевшей побед ни над каким мало-мальски серьёзным противником» [5, с. 167]. Создать новую революционную армию по принципам управления, и по кадрам не получилось. В Гражданскую войну 53% всего командного состава РККА – это были офицеры и генералы бывшей императорской армии (на 1919 г.). А в Великую Отечественную войну из 41 генерала, командующих фронтами, – 17 бывшие офицеры императорской армии [5, с. 167]. Были и такие, например, как бездарный командующий артиллерией Западного фронта генерал-полковник (!) артиллерии И.П. Камера, который на заре своей карьеры умудрился попасть к нам в плен в чине унтер-офицера австро-венгерской армии (тоже императорской). Огонь артиллерии при нём, планировался штабами, как правило, без учёта конкретных данных об огневой системе противника, артиллерийские разведчики занимались беспредметным наблюдением картины боя, а не розыском огневых точек врага. За самоуспокоенность, чванство и зазнайство изгнан из рядов РККА («по болезни») весной 1944 г. [5, с. 297].

Первым из «крупной рыбы», незадолго до Великой Отечественной войны, «отличился» начальник Генштаба (до января 1941 г.) генерал армии К.А. Мерецков. Об этом свидетельствовал взятый под арест в июле 41-го генерал армии Д.Г. Павлов, который дал на предварительном следствии такие показания: «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генштабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генштаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже, ...этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства» [3, с. 346]. Лошади и автомобили в невоенное время задействованы в промышленности и на селе, а с началом войны мобилизовались на нужды армии. Крупных лошадей для РККА колхозы содержали ровно то количество, которое предписал им в мобилизационном плане генерал армии Мерецков (иначе – накладно, «подъёмным» лошадям требовалось много кормов). Он же, в свою очередь, в мобилизационном плане сократил численность лошадей тем, что по подлому, в 10 раз увеличил количество мобилизуемых

автомобилей и тех, которые гипотетически сойдут с конвейеров заводов [3, с. 346]. А по факту промышленность таких объёмов выдать ещё не могла. В итоге, при объявлении войны и приказа о мобилизации оказалось, что автомобилей нет, потому что их попросту нет, и лошадей нет, потому что Генштаб не заказал их колхозам вырастить и подготовить. Вот и начали мы войну с пешими «мехкорпусами», с полными складами боеприпасов, но без снарядов на батареях, вынужденно оставляя при отступлении эти склады немцам. Не вызывает удивления, в свете творившихся безобразий, арест Мерецкова уже на следующий день после начала войны – 23 июня 1941 г. Его же преемник на посту начальника Генштаба генерал армии Г.К. Жуков саботировал исполнение майских и июньских директив (в том числе своих собственных) о приведении войск непосредственного прикрытия границы (в приграничных западных особых военных округах) в полную боевую готовность. Хотя СССР и успел провести скрытую мобилизацию 800 000 резервистов в конце мая–начале июня 41-го [2, с. 64], но чем всё это закончилось для нашей многострадальной страны в первый жедень войны – страшно упоминать.

20 июня 41-го настал черёд начштаба Киевского ОВО генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева («неутомимого шутника и организатора всяких начинаний» [10, с. 24]). Этот «шутник» лично разорвал штаб округа на части – при передислокации на фронтовой КП в Тарнополе, оставив оперативный отдел штаба округа в Киеве [3, с. 404]. В момент немецкого нападения эффективной работе штаба речи уже не шло. Очевидно, что «шутника» надоумили так действовать немцы в 1939–40 гг., когда Максим Пуркаев был военным атташе при полпредстве СССР в Германии. Подобное генералы провернули и у Д.Г. Павлова в Западном ОВО, где также был разорван штаб округа-фронта. Заместитель командующего ЗапОВО генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов уединился вместе с начальником связи округа-фронта генерал-майором А.Т. Григорьевым на вспомогательном пункте управления (ВПУ) фронта, а генерал армии Д.Г. Павлов продолжал в тот момент кировать (укр.) из уютного кресла в Минске, а не из полевого фронтового КП [3, с. 404]. Но на ВПУ не было связи с войсками (у начальника связи-то(!)), имелась лишь радиосвязь с 4 армией предателя генерал-майора А.А. Коробкова, но разговор был невозможен, из-за того, что генерал А.Т. Григорьев не имел с собой шифров и группы шифровальщиков (?!). Прописную истину: потерял управление – проиграл войну, никто не отменял. Злостное вредительство в этих двух случаях очевидно, и расценивать их как случайное совпадение нельзя. Тем более, почуяв неладное, по линии военной контрразведки была дана директива, где один из пунктов требовал «выявлять вредительскую работу штабов» [3, с. 404]. Иных эпитетов тут не подобрать. По заверениям (на следствии) генерала-предателя Д.Г. Павлова (22 июля 1941 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян вместе с подельниками-генералами А.Т. Григорьевым, В.Е. Климовских (бывший капитан русской императорской армии) и А.А. Коробковым (мл. офицер старой армии), часть ГСМ ЗапОВО находилась на складах в Майкопе, в более чем 1,5 тыс. км от фронта, а не в Белостоке. Павлов настаивал, что за обеспеченность округов ГСМ отвечал лично начальник Генштаба Г.К. Жуков [3, с. 387].

Герой Российской Федерации генерал-лейтенант М.Ф. Лукин (поручик старой армии), попав осенью 1941 г. к немцам в плен, уже вскоре, как предтеча А.А. Власова «окормлял» [8, с. 227] диверсионные группы и крупные отряды перед их отправкой в наши тылы на освобождённую от немцев территорию. Один из таких отрядов в 300 человек белогвардейского полковника Рогожина в мае 1942 г. уничтожили в смоленских лесах красноармейцы 8-й воздушно-десантной бригады (из состава 4 вдк). Помощником у Рогожина был захваченный в этом бою некто майор Алексей Матвеевич Богатов, служивший до немецкого плена в 160 сд из окруженной на смоленщине 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. [9, с. 337]. Задачей предателей было уничтожение советских штабов 1 гв. кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.А. Белова, а перед этим А.М. Богатов навёл по радио немцев на штаб группы генерала М.Г. Ефремова, командарм-33 погиб [9, с. 337]. В дальнейшем при прорыве из окружения майор Богатов воспользовался неразберихой и вновь бежал, но перед тем на допросе показал, что для ликвидации группировки генерала П.А. Белова привлекаются два немецких корпуса и «... кроме того, привлекается корпус, сформированный из бывших военнопленных под командованием генерал-лейтенанта Лукина... командующего 16 или 20 армией. Наступление этого корпуса предполагается со стороны Дорогобуж...» [8, с. 227]. 26 мая 1942 г. донесение с показаниями Богатова было направлено Жукову, Булганину, Белову. Даже после войны они не распространялись об этом, а вот Лев Мехлис требовал выгнать Лукина из армии ещё до войны. В 1993 г. Михаила Фёдоровича (Лукина) наградили звездой Героя Российской Федерации посмертно. «Ну что же, какова Россия, таковы и герои» [8, с. 227].

Из поколения в поколение, цена подобным воинским преступлениям генералов: миллионы солдатских жизней, положенных на алтарь победы, страдание населения от непомерных тягот в тылу и под пятой врага на оккупированных территориях, которые с удивительным постоянством отторгались от нашей Родины только в XX веке трижды: в 1917–21 гг.; в 1941–42 гг. с потерей населения в 70 млн. человек (цифры даны в соответствии с приказом Наркома Оборона СССР № 227 от 28 июля 1942 г.); и с 1991 г. – по настоящее время, с потерей населения как минимум в 150 млн. человек, из которых 60 млн. русских (Беловежское соглашение от 8 декабря 1991 г., подписано главами союзных республик РСФСР, УССР, БССР: Б.Н. Ельциным, Л.М. Кравчуком и С.С. Шушкевичем и ратифицировано – Верховным Советом РСФСР под председательством Р.И. Хасбулатова 12 декабря 1991 г.) и 5,3 млн. км² территорий, присоединённых и освоенных 2-тысячелетним трудом нашего народа. Роль генералов: Д.Т. Язова, В.А. Крюкова, Е.И. Шапошникова, В.А. Ачалова, В.В. Бакатина, Л.В. Шебаршина, П.С. Грачёва, А.И. Лебеда, В.Ф. Карпухина в событиях августа-декабря 1991 г. видится весьма подозрительной, а некоторых из них в деле развала страны и вполне очевидна. Для сопоставления: площадь территории, возвращённого в 2014 г. полуострова Крым всего 27 тыс. км², что составляет лишь 1/197 от общего объёма разбазаренных земель с преданным русским населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е–1760-е годы). – Л.:– 1991. – С. 52.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978 г. – С. 64.
3. Мартиросян А.Б. 22 июня: Детальная анатомия предательства. – Т. 2.– М.: Вече, 2013. – С. 346, 387, 404.
4. Соловьёв С.И. История России с древнейших времён / Книга четвёртая. – Т. XX.— СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851—1879. – С. 1374, 1369, 1381, 1382.
5. Мухин Ю.И. Красная армия. Парад побед и поражений– Москва: Алгоритм, 2016. – С. 167, 297.
6. Буганов В.И. Пётр Великий и его время. – М.: Наука, 1989. – С. 125.
7. Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. – Ч. 6. (1737 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – Т. 117. – Юрьев, 1904. – С. 255.
8. Мухин Ю.И. Генеральская мафия – от Кутузова до Жукова. – М.: Яуза-пресс, 2012. – С. 227.
9. Успенский В.Д. Поход без привала. – М.: Военное издательство МО СССР, 1977. – С. 337.
10. Болдин И.В. Страницы жизни. – М.: Воениздат, 1961. – С. 24.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Timelessness and temporary workers. Memories of "the era of Palace revolutions" (1720–1760). – L.: – 1991. – P. 52.
2. Vasilevsky A.M. The Business of all life. – M.: Politizdat, 1978–P. 64.
3. Martirosyan A. B. June 22: Detailed anatomy of betrayal. – Vol. 2. – Moscow: Veche, 2013. – P. 346, 387, 404.
4. Solovyov S. I. History of Russia since ancient times / Book four. – Vol. XX. –SPb.: Partnership "Public benefit", 1851–1879. – P. 1374, 1369, 1381, 1382.
5. Mukhin Yu. I. Red army. Parade of victories and defeats–Moscow: Algorithm, 2016. – P. 167, 297.
6. Buganov V. I. Peter the Great and his time. – Moscow: Nauka, 1989,– P. 125.
7. Papers of the Cabinet of Ministers of the Empress Anna Ioannovna 1731–1740–Part 6. (1737) // Collection of the Imperial Russian Historical Society. – Vol. 117. –Yuriev, 1904. – P. 255.
8. Mukhin Yu. I. General mafia-from Kutuzov to Zhukov. – Moscow: Yauza-press, 2012. – P. 227.
9. Uspenskiy V. D. a Campaign without a halt. – Moscow: Military publishing house of the Ministry of defense of the USSR, 1977. – P. 337.
10. Boldin I. V. Pages of life. – Moscow: Voenizdat, 1961. – P. 24.